

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'36: 811.161.1'38

Е.А. Скоробогатова

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ЛИНГВОПОЭТИКИ И ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ПРАКТИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

О.О. СКОРОБОГАТОВА. ПОЭТИЧНА МОРФОЛОГІЯ ЯК НАПРЯМ ЛІНГВОПОЕТИКИ ТА ЛІНГВОКРЕАТИВНА ПРАКТИКА ФІЛОЛОГІЧНОГО ЕКСПЕРИМЕНТУ.

В статті розглядаються історія формування поетичної морфології як розділу лінгвопоетики та задачі, які стоять перед цим напрямом сьогодні. Сформульовано дослідницькі аксіоми, що стали основою при вирішенні завдання створення систематичної поетичної морфології російської мови: аксіома виразності, аксіома експресивності порушення морфологічної норми, аксіома цілісності і композиційності, аксіома переходу індивідуального в стале, а сталого – в загальнопоетичне. Припускається, що ці аксіоми можна використовувати при дослідженні поетичної морфології різних мов.

Охарактеризовані загальнопоетичні засоби актуалізації нормативних морфологічних норм і значень: сопозиція, згущення, аттракція. Сопозиція в структурі віршового ряду форм та значень словоформ різних частин мови із спільним коренем або граєм, що належать до одного парадигмального ряду, актуалізує або нейтралізує граматичне значення. Згущення однорідних морфологічних форм та значень призводить до формування морфологічної домінанти тексту або його фрагмента. Аттракція пов'язана з уподібненням морфологічних форм.

Стверджується, що розвиток лінгвістики в просторі морфологічної поетики: дослідження поетико-морфологічних мотивів, морфологічних домінант різних типів, граматичної основи окремих лінгвокультурних типажів, -- є значущим не тільки для розуміння закономірностей поетичної мови, але і для лінгвокреаторики в цілому.

Ключові слова: поетична морфологія, актуалізація, способи актуалізації, морфологічні значення, лінгвокреологія.

Е.А. СКОРОБОГАТОВА. ПОЭТИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ЛИНГВОПОЭТИКИ И ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ПРАКТИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.

В статье рассматриваются история формирования поэтической морфологии как раздела лингвопоетики, задачи, которые стоят перед этим направлением сегодня. Сформулированы исследовательские аксиомы, которые стали основой при решении задачи создания систематической поэтической морфологии русского языка: аксиома выразительности, аксиома экспрессивности нарушения морфологической нормы, аксиома целостности и композиционности, аксиома перехода индивидуального в устойчивое, а устойчивого – в общепоэтическое. Предполагается, что эти аксиомы можно использовать при описании поэтической морфологии разных языков.

Охарактеризованы общепоэтические способы актуализации нормативных морфологических форм и значений: соположение (сопозиция), сгущение, аттракция. Соположение в структуре стихового ряда форм и значений словоформ разных частей речи с общим корнем или граммом, принадлежащих к одному парадигмальному ряду, актуализует или нейтрализует грамматические значения. Сгущение однородных морфологических форм и значений в максимальной реализации приводит к формированию морфологической доминанты текста или его фрагмента. Аттракция связана с уподоблением морфологических форм.

Утверждается, что развитие лингвистики в пространстве морфологической поэтики: исследование поэтико-морфологических мотивов, морфологических доминант разных типов, грамматической основы отдельных лингвокультурных типажей – значимо не только для понимания особенностей поэтического мировосприятия, но и для лингвокреаторики в целом.

Ключевые слова: поэтическая морфология, актуализация, способы актуализации, морфологические значения, лингвокреология.

O.O. SKOROBOGATOVA. POETIC MORPHOLOGY AS A DIRECTION OF LINGUISTIC POETICS AND LINGUISTIC CREATIVE PRACTICE OF PHILOLOGICAL EXPERIMENT.

The article considers the history of the formation of poetic morphology as a section of linguistic poetics, the tasks that this direction faces today. Research axioms have been formulated, which became the basis for solving the problem of creating a systematic poetic morphology of the Russian language: the axiom of expressiveness, the axiom of expressiveness of breaking the morphological norm, the axiom of integrity and compositionality, the axiom of the transition of the individual to the stable, and the stable to the general poetical. It is assumed that these axioms can be used in the description of the poetic morphology of different languages.

Poetic means of actualization of normative morphological forms and meanings have been characterized: juxtaposition, thickening, attraction. Juxtaposition in the structure of the verse line of forms and meanings of word forms of different parts of speech with a common root or grammemes belonging to the same paradigm series, actualizes or neutralizes grammatical meanings. Thickening of homogeneous morphological forms and values in the maximum realization leads to the formation of a morphological dominant of the text or its fragment. Attraction is associated with the adaptation of morphological forms.

It is argued that the development of linguistics in the field of morphological poetic: the study of poetic-morphological motifs, morphological dominants of different types, the grammatical basis of individual linguocultural types is significant not only for understanding the patterns of poetic language, but also for linguistic creative practice in general.

Key words: poetic morphology, actualization, means of actualization, morphological meanings, linguistic creative practice.

Интерес к проблемам лингвопоэтики обусловлен как особенностями поэтического познания мира, так и с теми вызовами, которые ставит современная действительность перед филологической наукой. Социум нуждается в понимании языковых оснований формирования картины мира, гуманитарная парадигма изменяет вектор исследований от изоляционизма к изучению социокультурных моделей мировосприятия, которые формируются и отражаются в языке, но в то же время имеют индивидуальное представление. Поссибилизм как методологический подход в сфере гуманитарных наук предполагает, что мышление, язык и бытие содержат собственный набор возможностей (имеют собственную потенциальность), предмет и метод не только взаимосвязаны, но обратимы.

Пути преодоления кризиса гуманитарных наук М. Н. Эпштейн видит в изменении вектора их деятельности от накопления знаний к непосредственному творчеству. Он призывает гуманитариев перейти от теоретических обобщений к практической креативной деятельности, используя приобретенные теоретические знания в направлении гуманитарного изобретательства, научной имажинации, творческих инноваций [12]. Гуманитарная составляющая необычайно важна в современных достижениях человеческой цивилизации, и понимание этого ориентирует филологов на изучение существующих и создание новых практик гуманитарного изобретательства, среди которых важное место занимает лингвокреология. Это направление филологической деятельности является творческой лабораторией, где исследуются механизмы коллективного и индивидуального языкового мышления, разрабатываются принципы и конкретные механизмы влияния лингвистики на языковое развитие, на формирование понятий и представлений, то есть на развитие когниции. Идеи Эпштейна коррелируют с идеей продуктивной рациональности, которую современная эпистемология определяет как универсальную способность разума мыслить последовательно и способность «порождать новое знание в меняющихся контекстах социальной и познавательной практики» [1, с. 9].

История цивилизации знает лингвокреативный феномен, существующий в различных культурах и человеческих сообществах. Это феномен поэтического творчества, который

отвечает сверхвысоким требованиям лингвокреологии. Двадцатый век в лингвистике прошел под знаком повышенного интереса к поэтическому языку. Идею понимания поэзии как способа мышления высказал и обосновал А. А. Потебня. Его исследования в области теоретической поэтики обусловили развитие лингвопоэтики и лингвостилистики в XX столетии. Систематически описан, достаточно полно изучен лексический ярус поэтического языка, в то время как грамматика поэзии, к сожалению, долгое время оставалась на периферии филологических поисков. Причина этого кроется, с одной стороны, в известном автоматизме использования морфологических единиц и правил, с другой, в низкой вариативности, традиционной ориентации морфологического потенциала на норму.

Интерес лингвистов к поэтической грамматике традиционно связывают с именем Р. Я. Якобсона, статья которого «Грамматика поэзии и поэзия грамматики» стала заметным явлением в филологическом дискурсе. Сам Якобсон ссылается на идеи Л. В. Щербы, которому принадлежит приоритет в использовании сочетания «грамматика поэзии», принятого специалистами с известной осторожностью. Однако ни статьи Щербы, ни работы Якобсона, где подчеркивается роль грамматики в организации поэтического текста, на общую тенденцию игнорировать уровень морфологических единиц в реализации авторской концепции при создании поэтических феноменов принципиально не повлияли, хотя сочетание «поэзия грамматики и грамматика поэзии» стало привычным для лингвистического сообщества, прикрывая собой непропорционально малое число работ в области поэтической грамматики. Необходимо назвать имена И. А. Ионовой, Я. И. Гина, Л. В. Зубовой, И. И. Ковтуновой, Л. П. Черкасовой, нарушавших общую тенденцию, однако работ в области поэтической морфологии до сих пор остается непропорционально мало.

Почему же поэтическая морфология до сих пор находится на периферии лингвопоэтических исследований? Основная причина – стабильность морфологических форм и имплицитность морфологических значений, автоматизм передачи морфологической информации. «Грамматическое значение отражает диктат языковой системы» [2, с. 12], – так Я. И. Гин сформулировал эту причину. « «Свободную стихию стиха» в исследовательском, а не только в читательском сознании труднее соотносить с грамматическим диктатом, чем с относительной «свободой» лексики. Современные исследователи сознают, что возможно не только лексическое, но и грамматическое творчество, неизменно подчеркивая тот факт, что «грамматика является наиболее стабильной и упорядоченной частью языковой системы» [11, с. 31].

До начала XXI века поэтическая грамматика русского языка описывается фрагментарно. Не являются исключением работы Л. В. Зубовой и И. И. Ковтуновой и два тома «Поэтической грамматики», изданные Институтом русского языка имени В. В. Виноградова. Тут сталкиваемся с избирательным интересом: более последовательно описана категория рода, есть определенные достижения в изучении категории числа и вида, хорошо изучена поэтическая онимосфера и категория лица. Системное изучение поэтического потенциала морфологических категорий и форм планировалось Я. И. Гином, но не было осуществлено.

В начале нынешнего столетия был сделан определенный шаг в решении задачи создания поэтической морфологии, соотносительной с традиционной морфологией современного русского языка, задача которой состоит в том, чтобы каждая часть речи, категория, разряд были бы описаны с точки зрения креативного поэтического потенциала единиц, их сочетаний и стиховой реализации этого потенциала [7].

Большинство специалистов в области лингвопоэтики обращается к вопросам морфологической выразительности с точки зрения девиантности поэтических употреблений, их отношения к общеязыковой норме. Такой подход встречаем в исследованиях Г. М. Зельдовича, Е. Н. Ремчуковой, Н. А. Фатеевой, М. Н. Эпштейна. Самостоятельная задача исследования регулярных способов поэтической актуализации нормативных грамматических форм также была впервые выдвинута лишь в конце прошлого столетия. И эта задача до сих пор остается нерешенной.

Нами сформулировано несколько исследовательских принципов-аксиом, которые стали основой при решении задачи создания систематической поэтической морфологии русского языка. Эти аксиомы, на наш взгляд, можно также использовать при описании поэтической морфологии других славянских языков.

Первая аксиома – аксиома выразительности. Мы допустили, что любая морфологическая единица, присутствующая в тексте, и любое морфологическое значение

могут быть определенным образом актуализированы в поэтическом тексте. Кроме того, возможна поэтическая нейтрализация морфологических значений, создающая эффект многозначности поэтического текста, что также повышает выразительность отдельных морфологических единиц и стихотворного текста в целом.

Следующая аксиома – аксиома экспрессивности нарушения морфологической нормы. Сущность этой аксиомы состоит в том, что любое нарушение нормы (использование девиантных авторских единиц и сочетаний либо нормативных единиц в ненормативных условиях) в поэтическом тексте снижает его предсказуемость и создает экспрессивность.

Третья аксиома – аксиома целостности и композициональности. Мы считаем, что структура стихотворного текста, его свойства (ритм, действие закона единства и тесноты стихового ряда, динамика формы) способствуют актуализации или нейтрализации морфологических форм и значений. При этом актуализация и нейтрализация как диалектическая оппозиция обусловлены не только особенностями конкретного стиха или предложения, но композицией и грамматическими взаимосвязями на уровне целого текста.

Четвертая аксиома – аксиома перехода индивидуального в устойчивое, а устойчивого – в общепозитическое (в ряде случаев – в общезыковое). Этот тезис гласит, что индивидуальные способы актуализации или нейтрализации форм и значений при повторе закрепляются в поэтическом идиостиле, поэтической речи, что приводит к формированию поэтических закономерностей определенного периода, черт поэтического языка и, как следствие, влияет на динамику языка национального. В данном случае мы наблюдаем поэтическую реализацию классической схемы: окказиональное – речевое – языковое.

Последняя аксиома непосредственно связана с языковым POSSIBILIZMOM, ибо поэзия является сферой выявления, реализации существующих языковых возможностей и формированием новых, поэтическая лингвокреология непосредственно связана с задачей расширения языкового пространства. Эту мысль в предельной форме высказал в своей Нобелевской речи Иосиф Бродский, назвав поэта «средством существования языка».

Решение поставленной задачи создания поэтической морфологии русского языка нового и новейшего времени мы начали с изучения закономерностей поэтической актуализации форм и значений имени [7], проводя исследования на материале русской поэзии, в ряде случаев обращаясь к сопоставительному анализу с украинскими поэтическими текстами этого же периода. Затем были рассмотрены способы поэтической актуализации служебных частей речи [8].

Работа со стиховым материалом подтвердила аксиоматические допущения. Нам удалось охарактеризовать способы поэтической актуализации нормативных и ненормативных форм и значений категорий рода, числа и падежа, одушевленности / неодушевленности, субстантиватов как контаминированной формы имени и собственных / нарицательных субстантивов.

Основным результатом стало выделение ранее не определенных общепозитических способов актуализации нормативных морфологических форм и значений, среди которых главными являются сопозиция (как результат соположения в структуре стихового ряда форм и значений словоформ разных частей речи с общим корнем или граммом, принадлежащих к одному парадигмальному ряду), сгущение однородных морфологических форм и значений, которое в максимальной реализации приводит к формированию морфологической доминанты текста или его фрагмента, и аттракция (уподобление морфологических форм).

Эти способы были определены как универсальные, что подтверждается материалом различных частей речи и различных славянских языков, и в свою очередь подтверждает мысль Бродского об универсальной общечеловеческой природе поэзии. По замечанию Льва Лосева, поэт «исходит из представления о том, что существуют некие лирические универсалии, равно стимулирующие творчество Вергилия, Цветаевой, Одена или поэтов-современников...» [4, с. 115]. Эти универсалии Бродский находил как в сфере бытия человека, так и в сфере бытия языка.

Что мы понимаем под соположением (и результатом соположения – сопозицией)? В повседневном использовании наше грамматическое языковое мышление избирательно. Когда мы говорим, например, – *Я получил письмО*, или – *Я получил пИсьма* значения числа существительного в высказывании не актуализировано, хотя оно отражает количественную реальность, то есть указывает, одно или несколько писем получены. Когда Цветаева пишет: *Так писем не ждут,/ Так ждут письма//*, – числовое значение актуализируется, создается

дополнительный поэтический смысл: ждут не любого письма, а важнейшего. Подобные соположения в поэтическом тексте частотны. У того же поэта встречаем: *Не умереть хочу, а умирать*. Или у Сергея Жадана: *Якщо ти справді плануєш моє наступне життя, / Я би радив тобі порадитися зі мною*. У Лины Костенко: *А робота не жде. / Її треба робить...*

Из ряда поэтических структур, основой которых служит корневой повтор в сочетании с грамматической корреляцией, наиболее экспрессивны в русскоязычной поэзии те, что построены по устойчивым моделям. *Сказки сказывать, горе горькое, мучиться мукой* и подобные сочетания являются поэтически продуктивными моделями, способными к контекстуальной трансформации. Формульность либо подчеркивается автором, при этом обычно происходит актуализация внутренней формы слова, либо снимается с помощью различных приемов: переноса, парцелляции, дистантной локализации однокоренных элементов, например: *Веселым треском / Трещит затопленная печь*. (А. Пушкин). Соположения приобретают новые возможности в структуре целостного текста как элементы сложного стихового орнамента: *Я начал, помню, жить / В ночь мутную, в пещерах Колизея. / И долго жил той жизнью, живой / Впервые...* (Вяч. Иванов).

Один из наиболее интересных случаев соположения – многочленное парадигмальное соположение, когда на тесном стиховом пространстве объединяются не две, а несколько морфологических единиц, входящих в грамматическую парадигму. Сравним: *Ворон к ворону летит, / Ворон ворону кричит* (А. Пушкин), где сопоставлены две падежные граммы, и *Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе* (Б. Окуджава), где сопоставлены 5 падежных грамм, практически полная падежная парадигма. Важнейший для русской языковой картины мира концепт «судьба» поэт выделяет, используя прием создания морфологической парадигмальной полноты. Экспрессивность и семантическую насыщенность этого приема хорошо понимают поэты и филологи. Свои воспоминания Ю.В. Шевелёв назвал «Я, мені, мене... (і довкруги). Спогади». Современный отечественный поэт Борис Херсонский создает цикл стихотворений под названием «Личные местоимения», отдельные стихотворения которого называются «Я», «Ты», «Мы», «Вы», «Он», «Она», «Оно», «Они».

Парадигма времени глагола регулярно употребляется для выражения полноты времени, что стало традиционным поэтическим приемом, однако не утратило своего совокупного значения: был, есть, будет, использованные рядом, дают значение “всегда”. Этот прием и этот смысл найден поэтами, сегодня он используется в разных сферах речевой деятельности.

Еще один способ актуализации значений – селекция или отбор. Он основан на том, что автор сознательно или подсознательно отбирает граммы одного типа, благодаря чему формируется морфологическая доминанта текста или его части. Самый известный пример грамматической доминанты – так называемое назывное письмо. Хорошо известно, например, стихотворение А. Фета «Шепот, робкое дыханье...». В русской поэзии регулярной является также инфинитивная доминанта: *Февраль. Достать чернил и плакать! / Писать о феврале навзрыд...* (Б. Пастернак). Инфинитивный отбор отличается от номинативного тем, что создает не сплошную, а дискретную доминанту.

В ряде случаев формирование морфологической доминанты служит элементом языковой игры, с помощью селекции создаются яркие грамматические текстовые феномены, например, стихотворение Алексея Апухтина «Когда будете, дети, студентами...»:

*Когда будете, дети, студентами,
Не ломайте голов над моментами,
Над Гамлетами, Лирами, Кентами,
Над царями и над президентами,
Над морями и над континентами,
Не яшайтесь там с оппонентами,
Поступайте хитро с конкурентами (...)* И далее.

Очевидная доминанта творительного падежа формирует грамматический фон, помогающий определить стихотворение как поэтическую шутку.

В иных случаях морфологический отбор носит имплицитный подсознательный характер и выявляется лишь на основе тщательного морфологического анализа. Но и здесь формируемый грамматический фон служит существенным элементом содержания стихотворения. Достаточно вспомнить, например, стихотворение Лермонтова «Сосна» («На севере диком...»), блестящий анализ которого, проведенный Л. В. Щербой, стал толчком к формированию устойчивого филологического интереса в XX веке к грамматике поэзии.

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.*

*И снится ей всё, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна, на утесе горючем
Прекрасная пальма растёт.*

Исследователь отмечает, что это стихотворение – вольный перевод стихотворения Г. Гейне, в котором образы сосны и пальмы, которые не могут соединиться, воспринимаются как образы влюбленных. Этот поэтический смысл формируется благодаря тому, что сосна и пальма в немецком языке противопоставлены и комплементарны по роду. В стихотворении Лермонтова, по мысли Щербы, мотив разлуки влюбленных исчезает, так как оба существительных относятся к женскому грамматическому роду. Ученый утверждает, что основной мотив стихотворения Лермонтова – мотив одиночества [10, с. 97-109].

Рассмотрев морфологическую структуру этого стихотворения, мы выяснили, что не только словоформа *одна*, непосредственно указывая на грамматический смысл одиночества, маркирует его, но и общий морфологический фон всего стихотворения. В нем все словоформы с полной числовой парадигмой функционируют в форме единственного числа. Именно сингулярная форма на имплицитном грамматическом уровне передает идею одиночества. В идиостиле Лермонтова кроме этого стихотворения существует целый ряд стихотворений, имеющих мотив одиночества, который на морфологическом уровне формируется благодаря селекции числовых форм. Постепенно формируется определенная лирическая традиция. В русской поэзии XIX – XXI столетий возникает поэтическая связка: сингулярность (единственное число) – одиночество [6, с. 63-65]. Было выделено более 800 сингулярных стихотворных текстов со сплошной доминантой единственного числа. За исключением нескольких стихотворений (нами зафиксировано 6), все они имеют мотив одиночества. В одних случаях это экзистенциальное одиночество, в других – творческое, одиночество вынужденное, связанное с отъездом, ссылкой, или любовное, но грамматическая основа этих стихотворений одинакова. В диссертационной работе Н. Самсоненко [5] рассмотрен ряд поэтических смыслов, связанных с сингулярной доминантой и формированием различных поэтических вариаций мотива одиночества, причем автор указывает, что перечень этих вариаций является принципиально открытым.

Исследование поэтических мотивов, имеющих устойчивое грамматическое выражение в языке, требует продолжения. Если ответ на вопрос, что передает доминанта времени глагола, достаточно прозрачен (хотя и тут могут встретиться неожиданности), то изучение того, что передает сгущение субстантиватов или онимов определенного типа, граммем именительного и косвенных падежей, форм сравнительной и превосходной степени адъективов и наречий, актуализация причастий и деепричастий, требует кропотливого анализа. Причем результаты этих исследований могут быть использованы не только при создании грамматических описаний языков, но и в практических руководствах по стилистике, при создании рекламных текстов, при изучении вербальных манипулятивных практик.

Очевидно, что в поэзии, написанной на разных языках, вырабатываются разные морфолого-смысловые связи, формируются разные закономерности создания доминант. Например, сгущение лексем среднего рода, относящихся к живым существам, в русском художественном и разговорном дискурсе обычно носит негативный характер или указывает на отстраненность от гендера, в украинском же существует большая группа существительных среднего рода, обозначающих невзрослых людей и животных, при сгущении которых текст или его фрагмент обычно окрашивается позитивно.

Понятие аттракции в активную филологическую практику ввел А.А. Потебня. Ученый, исследуя «аттракцию формы», отмечает, что древность и активность оборотов с морфологической аттракцией очень высоки. Примеры синтаксической аттракции, не используя термина, приводит Ю. В. Шевелёв. Рассматривая стихотворения, написанные назывным стихом, ученый отмечает, что предложения, которые в других контекстах рассматривались бы как неполные, в окружении односоставных назывных предложений отождествляются с ними.

Ученый подчеркивает, что в таких случаях главной становится функция, умноженная на влияние контекста [9, с. 53].

В поэтической речи и в ряде дискурсов, характеризующихся повышенной экспрессивностью, аттракция форм активно используется как прием версификации и языковой игры: *и на мускулы-деревья / падает ментол мороза* (Д. Арбенина). Вместо сочетания *мускулы деревьев* поэт использует субстантивный бином *мускулы-деревья*. Морфологическая аттракция достаточно распространена и в русской, и в украинской поэзии, но регулярными являются разные модели уподобляющихся форм.

В русском поэтическом дискурсе самым типичным примером грамматической аттракции служит избыточное употребление предлога в сочетаниях существительного с согласованным прилагательным, причастием или местоимением-прилагательным: *как у моря у Каспийского...*, *по старой по дороге по Калужской* (М. Цветаева). Такое употребление может осложняться избыточным повтором предлога при однородных членах предложения, использованием соотносительных приставок, включением в стиховое единство устойчивых выражений с предлогом, например: *На всякий случай на пожарный/ я в Шереметьево приду* (В. Долина). В украинской поэзии наравне с этой устойчивой моделью (*Біжиш через всю Україну до самих до гір Карпат...* (Б. Херсонский)) активно используется аттракция звательных форм – от самого известного примера у Павла Тычины *О панно Інно, панно Інно*, где морфологическая аттракция сочетается с паронимической, до поэтического обращения Ивана Драча к Владимиру Калашнику *Семеновичу мій Калашнику, мій Володимире, мій брате...*, где ряд звательных форм создает стиховую цепочку, приковывая внимание читателя.

Распространены примеры использования аттракции как приема языковой игры: *старший ключ в шкатулке лаковой / ноч кривой а реч прямої...* (Б. Кенжеев). Ненормативное согласование актуализирует значение мужского рода, что подчеркнуто нарушением правописания. В авангардной поэзии прием приобретает сложные формы, выступает рифмой-индикатором в текстах, которые лишены традиционного членения и пишутся «в строку», иногда объединяясь с паронимической и фоносемантической аттракцией: *Поздравляю героев с венцом и делу концом* (Д. Быков). В ряде случаев аттракция организует значительные фрагменты стихотворения и даже тексты целиком. Число единиц разного уровня, которые подвергаются уподоблению, постоянно увеличивается. Это одна из причин, которая делает изучение грамматической аттракции актуальным.

Сегодня созданы лингвопоэтические описания существительного, отдельных категорий глагола, служебных частей речи на материале русского языка. Создание систематической поэтической грамматики, соотносимой с общей грамматикой русского, украинского, а также других славянских языков, – ближайшая перспектива развития поэтической морфологии.

Исследование морфологии поэтического текста может происходить и часто происходит и в обратном направлении – от поэтики текста к выявлению грамматической основы того или иного поэтического смысла, в нем проявляющегося. Морфологические характеристики стихотворного текста формируют его художественную структуру, часто связаны с развитием сюжета и построением композиции. Грамматическая парадигма, морфологические соположения и морфологический ритм в поэтическом языке нового и новейшего времени выступают как составляющие композиционно-сюжетной динамики.

Выделение и исследование поэтико-морфологических мотивов, морфологических доминант разных типов, грамматической основы отдельных лингвокультурных типажей (см., например, [3, с. 179-184]), то есть развитие лингвистики в пространстве морфологической поэтики значимо не только для понимания особенностей поэтического мировосприятия, но и для лингвокреаторики в целом, ибо выявляемые закономерности наблюдаются и в других типах фасциативных текстов: религиозных, рекламных, политических. Кроме того, динамика развития языка поэтического влияет на развитие литературного языка, а активные практики экспрессивного смыслообразования связаны с поэтической креаторикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 509 с.
2. Гин Я. И. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск: КГПИ, 1992. 162 с.

3. Козлов Е. Д. Формирование лингвокультурного типажа «Женщина-поэт» в русской поэзии // Литература в контексті культури: зб. наук. праць. К.: Видавничий дім Дмитра Бурого, 2012. Вип. 22 (2). С. 179 – 184.
4. Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. СПб.: Вита Нова; М.: Молодая гвардия, 2010. 544 с.
5. Самсоненко Н.І. Морфологічна домінанта поетичного тексту (на матеріалі російськомовної поезії ХІХ – ХХ століть). Автореф. дис. ... канд. філол. н. Спеціальність 10.02.02 – російська мова. Харків, 2018. 20 с.
6. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: Поэтика именных категорий в текстах и идиостилиях. Харьков: Харьковское историко-филологическое общество, 2014. 240 с.
7. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография. Харьков: НТМТ, 2012. 480 с.
8. Скоробогатова Е.А., Минина Н.С. Грамматические значения и поэтические смыслы: стиховая актуализация служебных частей речи. Монография. Харьков: ФЛП Бровин А.В., 2017. 160 с.
9. Шевельов Ю. До питання про генезу й природу називних речень. Харків: Харківське історико-філологічне товариство, 2012. 135 с.
10. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку М.: Учпедгизд., 1957. 188 с.
11. Эпштейн М. Н. Грамматическое творчество в речи и в языке: от аномалии к норме // Язык как медиатор между знанием и искусством. Сборник докладов Международного научного семинара. М.: Азбуковник, 2009. С. 31—38.
12. Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

(Статья поступила в редакцию 16 сентября 2018 г.)